

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Б.И. МАКАРЕНКО*

ГОСУДАРСТВО И НАРОД: НАРАСТАЮЩЕЕ МНОГООБРАЗИЕ МОДЕЛЕЙ ОТНОШЕНИЙ¹

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разработки универсального индекса институционализированной конкуренции и участия, применимого для оценки политических режимов в различных странах мира. Эта необходимость диктуется переменами в состоянии обществ и каналов социальной коммуникации, вызванных процессами модернизации и политического развития. В политической науке принято рассматривать такие процессы в контексте демократизации, однако в данном случае предлагается ценностно-нейтральная оценка, основанная только на «твердых» данных статистики (в первую очередь – электоральной) и анализе конституционного дизайна политических систем. Поскольку к настоящему времени общенациональный парламент и всеобщее активное избирательное право существуют в подавляющем большинстве государств, такая оценка будет иметь близкий к универсальному характер.

В состав индекса предлагается включить одну переменную для оценки политического участия – данные о явке на общенациональные выборы как доле от всего взрослого населения страны. Политическая же конкуренция анализируется на основании трех основных и четырех дополнительных переменных. Основные переменные – это уровни конкуренции при формировании соответственно исполнительной власти и парламента, а также роль парламента в формировании исполни-

* **Макаренко Борис Игоревич**, кандидат политических наук, профессор Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); президент, Фонд «Центр политических технологий» (Москва, Россия), e-mail: bmakarenko@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

тельной власти. Дополнительные – возраст минимальной электоральной традиции, наличие в истории страны двух или более смен власти в результате выборов, наличие (или отсутствие) фактора отклонения от конституционных норм при формировании или отстранении от власти (например, перевороты), факт пребывания у власти одного лица на протяжении трех и более электоральных циклов.

Такой индекс имеет комплексный и универсальный характер, его разработка позволит оценить и сравнить институциональные условия политического участия и конкуренции в подавляющем большинстве государств мира.

Ключевые слова: модернизация; политическая конкуренция; политическое участие; парламентаризм; выборы; политические партии; Политический атлас современного мира 2.0.

Для цитирования: Макаренко Б.И. Государство и народ: нарастающее многообразие моделей отношений // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 218–236. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.10>

Изменения внутри государств и обществ: продолжающаяся модернизация

Изучение перемен в мировом порядке охватывает самые разные события, факторы, тенденции. Но все же чаще в этом контексте в центре внимания исследователя оказываются международные отношения – геополитика, тренды глобализации в экономике (или, напротив, их замедление), образование альянсов или обострение напряженности в отношениях между странами. Разумеется, мировой порядок – это, в первую очередь, отношения между государствами, но сколь многое в нем определяется тем, что – под влиянием как внешних процессов, так и внутреннего развития и видоизменения – происходит внутри самих государств. Фактически речь идет о том, что *меняются отношения между меняющимися государствами и обществами.*

Основная задача этой статьи – не описать процессы внутренних изменений, в целом укладывающихся в привычную для общественных наук парадигму *модернизации и политического развития*, а оценить, как в меняющемся мире действуют институты участия граждан в политической жизни, и в первую очередь – в какой степени эти форматы участия имеют конкурентный характер.

Перемены, происходящие в мире в последние десятилетия, многоплановы и приводят к качественным сдвигам в обществах – как в характере их трудовой деятельности, уровне образования и образе жизни, так и в ценностях и механизмах социальной мобилиза-

ции. Приведем здесь логику рассуждений недавней статьи двух известных политологов [Levitsky, Way, 2023, p. 7–12] о влиянии модернизации на поведение обществ. Ссылаясь на теоретическое наследие С.М. Липсета [Lipset, 1959], развитое в работах Р. Инглхарта и К. Вельзеля [Inglehart, Welzel, 2005], они утверждают, что с повышением уровня образования общества усиливаются ценности терпимости и самовыражения. Им вторит и Ф. Фукуяма: «Население лучше образованно, чем несколько десятилетий назад, что побуждает людей мыслить самостоятельно, а не просто полагаться на традиционно авторитетные источники. Сейчас в деятельности общественных институтов гораздо больше прозрачности, чем раньше, не только благодаря интернету, но потому что люди требуют этого» [Fukuyama, 2020, p. 15]. Классическая модернизация (как переход от аграрного общества к индустриальному) подразумевает избавление от пережитков феодально-помещичьей системы, подъем как рабочего класса, так и средних слоев, рост социальной мобильности населения. Все это – хорошо известные постулаты теории модернизации, главный эффект которой – не структурные сдвиги, а сдвиги в ценностях, как описано еще в одной классической статье [Deutsch, 1961].

А подъем средних классов, которые в первую очередь и становятся носителями новых ценностей, в минувшие десятилетия носит весьма выраженный характер. В уже цитировавшейся статье Ф. Фукуяма отмечает, что глобализационные тренды, «в насмешку называемые неолиберализмом... привели к появлению новых глобальных держав, таких как Индия и Китай, вывели из нищеты сотни миллионов людей» [Fukuyama, 2020, p. 17], что хорошо иллюстрирует известный «график слона» из работы К. Лакнера и Б. Милановича [Lakner, Milanovic, 2016] (см. рис.1). О динамике доходов мирового населения чаще всего упоминают, чтобы подчеркнуть проседание доходов среднего класса в развитых странах, но едва ли не более впечатляющим является выведенный этой работой рост доходов среднего класса в тех же Индии, Китае, странах Латинской Америки. В более поздней статье К. Вельзель отмечал, что сформировавшиеся в этом процессе ценности эмансипации, порожденные экономическим прогрессом, не только улучшили условия жизни людей, но и «дали им доступ к ранее неведомым товарам, услугам и возможностям, не говоря уж о ведущей вверх социальной мобильности благодаря полученному образованию» [Welzel, 2021, p. 137].

Появление – фактически на рубеже XX и XXI столетий – Интернета, а следом и многочисленных ресурсов, использующих Всемирную паутину (социальные сети, YouTube т.д.), радикально расширили доступ широких масс населения к информации о лидерах и политике. Это привело к увеличению разрыва между ожиданиями общества и деятельностью правительств, что, по оценке авторов авторитетного доклада, подорвало «доверие народа к существующим властям и стало движущей силой популизма во всем мире» [Global Trends..., 2017, p. 17]. На самом деле, влияние информированности благодаря расширившимся возможностям получения информации стало сказываться раньше и никогда не было однозначным. Еще до появления интернета (но при максимизации влияния телевидения), рассуждая о процедурной демократии участия, Р. Даль ввел критерий «просвещенного понимания»: «Чтобы четко выразить свои предпочтения, каждый гражданин должен иметь адекватные и равные возможности нахождения и осмысления... в чем именно состоят его или ее предпочтения по каждому вопросу» [Dahl, 1979, p. 101–105].

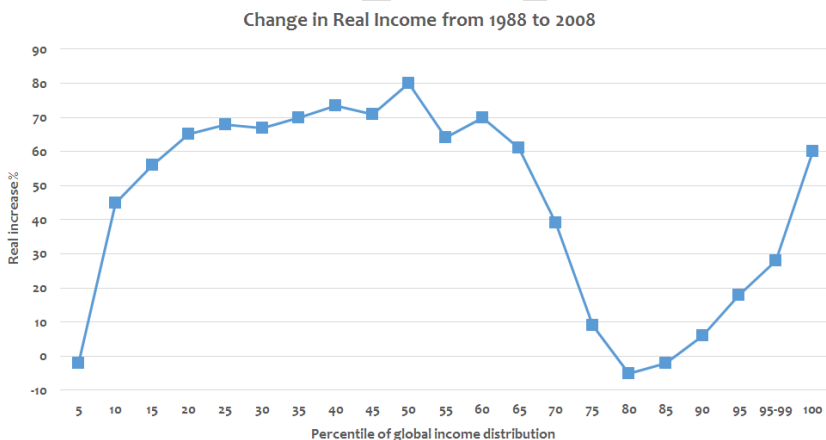

Рис. 1

**«График слона»: динамика роста доходов
среднего класса в мире¹**

¹ Источник: [Lakner, Milanovic, 2016, p. 216].

Разумеется, исследования такого рода политологам более чем хорошо знакомы. Это давняя и постоянно развивающаяся традиция изучения процессов демократизации (включая и их провалы, откаты, торможения и попятные движения). Мы, однако, признавая валидность такого изучения, предлагаем поставить вопрос несколько иначе по следующим причинам. Во-первых, парадигма демократизации (ее отсутствия или отката) либо напрямую выстраивает, либо подразумевает некоторый континуум – от наиболее к наименее продвинутым с точки зрения демократизации странам. Независимо от замысла автора, такой континуум приобретает ценностное наполнение, где все, что связано с приближением к демократии, маркируется положительно, даже если противоположный конец оси не получает эксплицитно негативных оценок. Во-вторых, демократия – политический строй, который в полной мере может быть описан и проанализирован лишь с применением данных, не основанных на *hard data* – данных статистики (в первую очередь – электоральной), а различных опросов (массовых репрезентативных или экспертных) и экспертных оценок. Пожалуй, лишь индекс Polity¹ практически не применяет таких оценок (хотя и предлагает свою классификацию политических режимов от «полных демократий» до «автократий»). Остальные более-менее полные классификации стран – V-dem² (база данных Varieties of Democracy)³, The Economist Index of Democracy⁴, Freedom House⁵, Bertelsmann Transformation Index⁶ сочетают «твердые» данные статистики с опросными и экспертными оценками.

¹ The Polity Project // Center for Systemic Peace. – Mode of access: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (accessed: 25.01.2024).

² Democracy Report 2023. Defiance in the Face of Autocratization // V-Dem Institute. – 2023. – Mode of access: https://www.v-dem.net/documents/29/V-dem_democracyreport2023_lowres.pdf (accessed: 25.01.2024).

³ Ibid.

⁴ Democracy Index 2022. Frontline democracy and the battle for Ukraine // The Economist Intelligence. – 2023. – Mode of access: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/DI-final-version-report.pdf> (accessed: 25.01.2024).

⁵ Countries and Territories // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (accessed: 25.01.2024).

⁶ Political Transformation // BTI Transformation Index. – Mode of access: <https://bti-project.org/en/index/political-transformation> (accessed: 25.01.2024).

Конкуренция и участие как универсальные критерии

В современных – сложных и многосоставных по интересам – обществах конкуренция в политике, будь то за обретение и отправление власти или за распределение ресурсов – не может не существовать. Однако эта конкуренция существенно различается от страны к стране не только по степени своей напряженности, но и по другим важным параметрам – от типа политической и избирательной систем до исторических особенностей политической культуры.

Невозможно вынести однозначного суждения о том, как уровень конкуренции и участия в политике влияет на стабильность и успешность политической системы и благосостояние населения. Низкий уровень конкуренции, замеренный через объективные, количественно исчисляемые переменные, не свидетельствует об ее отсутствии в обществе и политическом классе. Скорее, он означает, что конкуренция в политической элите не основана на публичных, зримо институционализированных нормах в виде системы сдержек и противовесов во власти, конкурентных выборах и сменяемой через выборы власти, укорененном политическом и идейном плюрализме и развитой партийной системе. Она замкнута в непрозрачной, «подковерной» борьбе элитных кланов и группировок. Однозначно можно сказать только то, что в системах с низким уровнем конкуренции механизмы участия в политике основной массы населения будут отсутствовать или носить ограниченный характер. Однако трудно установить однозначную зависимость (будь то прямую или обратную) между низким уровнем конкуренции и участия с одной стороны, и с другой – набором характеристик, относящихся к политической стабильности, социально-экономической эффективности государства, его оборонной мощи и многому другому.

Приведем в качестве примера цитату из известной работы А. Пшеворского (он пишет про США): «Как это возможно, что в стране, в которой институты представительной власти существуют уже более 200 лет, наблюдается самая высокая – среди развитых стран – степень экономического неравенства, самая высокая доля населения, отбывающего сроки тюремного заключения – выше, чем в самых репрессивных автократиях? И как так получается, что почти половина избирателей этой страны не участвует в голосовании хотя бы раз в четыре года?» [Przeworski, 2010, p. 170].

Напротив, высокий уровень конкуренции, замеренный с помощью тех же переменных, достаточно уверенно свидетельствует о наличии у нее прочных институциональных основ. Это – необходимое, но не достаточное условие для того, чтобы минимизировать риски волатильности и дестабилизации политической ситуации в результате острой борьбы конкурирующих политических сил. Однако при высокой конкуренции вполне реальны риски того, что она приведет к острой поляризации политических сил, выйдет за институциональные рамки, помешает формированию стабильной исполнительной власти. Более прочная институциональная основа, более продолжительная непрерывная традиция конкуренции и участия – при прочих равных – снижают риски и повышают вероятность, что в стране укоренится демократическая традиция с широкими возможностями участия граждан в политических процессах. Подчеркнем, это не означает автоматически, что политический и социально-экономический курс этих стран обязательно будет успешен, и что страна будет надежно защищена от внешних угроз. Тем более что современная история, в том числе вполне недавняя, знает и примеры масштабных кризисов, порожденных именно политической конкуренцией, в, казалось бы, консолидированных демократиях.

В качестве примеров можно привести резкую поляризацию двух основных политических сил в США в последние 15 лет (начиная с президентства Б. Обамы), которая привела к беспрецедентному для США отрицанию своего поражения проигравшим выборы кандидатом и насильственному вторжению толпы протестующих в Капитолий в январе 2021 г., полный развал партийной системы Первой Итальянской республики в начале 1990-х годов, провалу и правого, и левого центров французской партийной системы в 2017 г., авторитарные откаты в целом ряде стран на разных континентах (например, в Индии, Венесуэле). Этот ряд можно продолжать.

В рамках проекта «Политический атлас современного мира 2.0» оценка конкуренции и политического участия состоит в анализе **институциональных условий**, в которых действуют соответствующие институты. Под условиями – в соответствии с неинституциональным методологическим подходом – понимаются нормы позитивного права, регулирующие деятельность политических институтов.

Для исследования институциональных условий конкуренции и участия можно отобрать и проанализировать несколько переменных.

Все они основаны на «твердых данных»: анализе конституционного строя и системы разделения властей, электоральной статистике и анализе ключевых для характеристики политических систем вопросов: обретения и передачи власти, взаимоотношений между президентами, кабинетами министров и парламентами по вопросам формирования и отправления в отставку правительств – именно эти параметры классики политической науки – [Lijphart, 1999; Shugart, Carey, 1992] считают основными элементами политического режима.

Обоснованность выбора таких переменных дополнительно подтверждается тем, что к настоящему времени выборы в представительные общенациональные органы власти и всеобщее активное избирательное право существует в подавляющем большинстве стран. Согласно подсчетам А. Пшеворского [Przeworski, 2018, p. 32] это право стало действительно всеобщим только в период после Второй мировой войны (см. рис. 2, 3 и 4). Как отмечалось, «в большинстве случаев борьба на выборах представляет собой бастион против потенциальных тиранов. Многопартийность принуждает гражданских политиков бороться за власть и делиться ею, не допуская, чтобы победителей назначали вооруженные силы» [Miao, Brownlee, 2022, p. 140].

В это же время со второй половины XX в. экспонентно возрастает доля выборов, на которых власть (или коалиция партий, обладающих властью) терпит поражение. К настоящему времени эта доля составляет порядка 40%, т.е. на каждые три успешных переизбрания исполнительной власти приходится два ее поражения. Это не означает, что прежде конкуренции не существовало: соперничали как партии и кандидаты (то, что принято называть “horse race” – «лошадиные скачки»), так и программы и идеи (deliberation), но очевидно, что острота конкуренции выше там, где она приводит к смене партий и политиков у власти. Сменяемость власти имеет прямое отношение к участию граждан в политике. Как отмечал Б. Манен в классической работе о принципах представительного правления, «Современный избиратель сохраняет за собой решающую власть, которой он наделен при представительном правлении, а именно власть смещать представителей, чью деятельность он находит неудовлетворительной» [Манен, 2008, с. 275].

FIGURE 3.1 Proportion of countries with legislatures.

Рис. 2

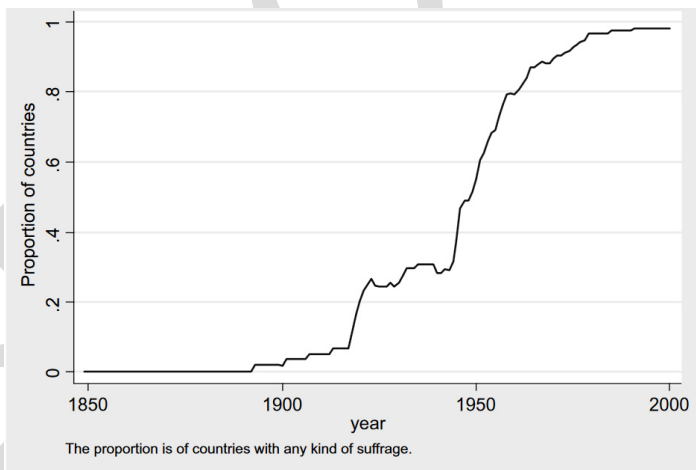
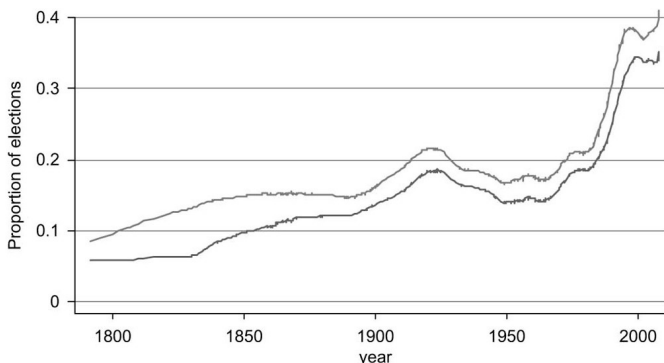
Доля стран, имеющих представительные органы власти¹

FIGURE 3.2 Proportion of countries with universal suffrage, by year.

Рис. 3

Доля стран со всеобщим активным избирательным правом²¹ Источник: [Przeworski, 2018, p. 32].² Источник: [Przeworski, 2018, p. 35].

Lowess smooth

Figure 4.1 Elections lost by incumbents and elections resulting in partisan alternation over time

Рис. 4

Доля стран, имеющих представительные органы власти¹

Набор переменных для анализа и его ограничители

Применяемый в исследовании набор переменных, разумеется, не охватывает все виды конкуренции и участия, существующие в стране. Среди самых важных его ограничителей можно выделить следующие.

- Все переменные относятся к политическим процессам, происходящим на общенациональном уровне политики. Конкуренция и участие проявляются и на субнациональном (региональном), и на местном уровнях, однако различия в политическом устройстве этих уровней слишком велики, чтобы позволить корректное межстрановое сравнение.

- Все используемые переменные – прямо или косвенно – основываются на количественных показателях. Либо это доли – голосов на выборах, мест в парламентах, либо факты, которые также «считаемы» (например, смены власти). Такие данные надежны и объективны, и – что существенно – пригодны для сравнительной межстрановой оценки. Однако многие важные характеристики такой однозначной количественной оценке не поддаются. Например, это данные об интенсивности и мобилизованности поддержки той или

¹ Источник: [Przeworski, 2018, p. 45].

иной политической силы, данные, показывающие политическую поляризованность общества (что может являться прямым следствием конкуренции). Разумеется, по крайней мере в крупных странах информацию об этом можно почерпнуть из опросов общественного мнения или других источников, однако и опросы, и экспертные оценки по определению субъективны и если и поддаются сравнению, то с существенными оговорками. Поэтому мы считаем невозможным использовать их в данном исследовательском проекте.

- В политической жизни принимают участие структуры гражданского общества, однако не существует количественно исчисляемой переменной, которая позволила бы корректно оценить это участие в сравнительной перспективе.

- Если не сводить конкуренцию к соревнованию политиков и партий, а понимать ее и как *делиберацию* – конкуренцию политических программ и идей, то необходим и анализ средств массовой информации и социальных сетей, однако, как и в случае с гражданским обществом, не существует переменной, позволяющей количественно оценить и делиберацию, и состояние СМИ.

Переменные для анализа: характеристики и проблемы

Для анализа уровня институционализированного участия и конкуренции в политической жизни намечены восемь переменных.

Включенность граждан в избирательный процесс – основной показатель политического участия. Как отмечал М. Эдельман, «голосование – это единственная для большинства граждан форма участия в управлении страной... [выборы] дают людям возможность выразить недовольство или поддержку, испытать чувство сопричастности» [Edelman, 1964, p. 3]. Измеряется этот показатель через явку на общенациональные выборы – президентские, если президент избирается всенародно, парламентские – при парламентской республике или конституционной монархии. Законодательно активное избирательное право регулируется по-разному. В ряде стран (например, Австралия, Бельгия, Аргентина) участие в выборах считается обязательным, и там голосует подавляющее большинство взрослых граждан страны. В целом ряде стран регистрация граждан в качестве избирателей происходит автоматически (по месту жительства), и число зарегистрированных избирате-

лей лишь незначительно отличается от числа взрослых граждан (хотя явка может сильно варьировать от страны к стране и от выборов к выборам). Даже при отдельном законодательном требовании регистрации оно может носить необременительный характер, например, в Испании, Португалии, Греции граждане регистрируются лишь однократно, по достижении возраста 18 лет. Однако в ряде стран (например, США или Великобритании) избиратели должны регистрироваться самостоятельно, а потому далеко не все взрослые граждане страны по факту являются избирателями (см. выше высказывание А. Пшеворского о США). Поэтому для получения корректной картины явку на выборах следует исчислять от всего взрослого населения страны, а не от числа зарегистрированных избирателей.

Уровень конкурентности в политике измеряется через три главные и четыре дополнительные переменные. Первая из них – это уровень конкуренции при формировании исполнительной власти. Конкуренция тем выше, чем больше доля партий и / или политиков, не участвующих по итогам выборов в формировании этой ветви власти.

Для стран с прямыми выборами президентов уровень конкурентности определяет доля голосов в решающем туре таких выборов, «не доставшаяся» победителю. Такая несколько витиеватая формулировка требуется потому, что на президентских выборах в разных странах применяются системы как относительного большинства (однотуровые, к ним, в частности, относится и избирательная система США, хотя победитель там определяется не непосредственно по поданным голосам избирателей), так и абсолютного большинства (двухтуровые). Такой результат объективен и прост в подсчетах. Оговорка по этому поводу нужна только по поводу ряда политических систем, которые в известной классификации Шугарта и Кэри называются *премьер-президентскими* [Shugart, Carey, 1992, p. 23] – в них президент избирается всенародно, но основной объем полномочий исполнительной власти принадлежит не ему, а главе кабинета министров, формируемого парламентом. Однако мы считаем применение такой переменной вполне допустимым, потому что специфика премьер-президентских режимов четко улавливается двумя следующими переменными (парламентская конкуренция и влияние парламента на формирование правительства).

Для парламентских республик и конституционных монархий уровень конкурентности – это доля мест в парламенте, принадлежащих партиям (или независимым кандидатам при мажоритарной и смешанной избирательных системах), не участвующим в формировании правительства, т.е. не относящимся к партии большинства или коалиции, формирующей правительство.

Вторая переменная – это уровень парламентской конкуренции, который определяется как доля мест на последних парламентских выборах всех партий, за вычетом доли партии-победителя. Отличия от предыдущей переменной более существенные, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, в данной переменной на повышение показателя будут работать доли мест всех партий правящей коалиции (если правительство коалиционное), кроме крупнейшей, – и это логично, поскольку процесс формирования подобной коалиции всегда включает в себя элементы как сотрудничества, так и соперничества, т.е. конкуренции. Во-вторых, может оказаться, что крупнейшая по числу мандатов в парламенте партия не входит в состав правительственной коалиции. Наиболее свежий пример такой ситуации (на момент написания текста) – польская партия «Право и справедливость», занявшая первое место по числу мест в Сейме после выборов 2023 г., но уступившая власть коалиции ранее оппозиционных партий.

Третья переменная – влияние парламента на формирование правительства. В отличие от предыдущих двух, которые исчисляются долями голосов или мест в парламентах, данная переменная представляет собой шкалу: «определяющее участие (когда правительство формируется парламентом, точнее – парламентским большинством, абсолютным или относительным) – ограниченное участие, хотя степень такого участия может существенно различаться – неучастие». Определяется значение этой переменной для каждой страны на основании анализа конституций и политических практик.

В отношении всех трех описанных выше переменных необходима существенная оговорка. В тех случаях, когда выборы президента и парламента в стране отсутствуют или носят заведомо неконкурентный характер: один кандидат или партия, отсутствие альтернатив при выборах по мажоритарной системе, или – в большинстве случаев – когда в выборах не принимают участия (или принимают лишь символическое, имитационное участие) полити-

ческие партии, значения всех этих трех переменных будут приняты за ноль.

Для оценки уровня конкуренции могут применяться также четыре дополнительные переменные. Их отличительная черта в том, что они измеряют не столько «количество» конкуренции – при всей условности этого понятия, сколько ее качество: отсутствие выхода за конституционные рамки (т.е. стабильность функционирования институтов конкуренции и участия), накопленный опыт, возможность сменяемости власти, опять же – без сотрясения институциональных основ конкуренции.

Первая из таких переменных – возраст непрерывной минимальной электоральной традиции. За точку отсчета рационально взять 1945 г. – окончание Второй мировой войны, которая нарушила непрерывную традицию конкурентных выборов во многих европейских странах. Длительность традиции указывает на привычность, укорененность института конкуренции. Это – важное условие преодоления того, что Петр Штомпка называл «цивилизационной некомпетентностью», т.е. неспособностью молодых плюралистических политических систем «развить активную гражданскую ориентацию для участия в политических дискуссиях» [Sztompka, 1993], т.е. фактически – критически оценивать заявления и обещания участвующих в выборах политиков. Кроме того, непрерывность традиции означает стабильность конституционного порядка, отсутствие его нарушений при обретении и отправлении власти. В случае перерыва в традиции (например, введения режима чрезвычайного положения в Индии в 1975–1977 гг.), отчет непрерывной традиции ведется со времени первых общенациональных выборов после восстановления конституционного порядка.

Соответственно, вторая переменная описывает все нарушения конституционного порядка – неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации. Ее смысл в том же, что и в предыдущем случае: указание на стабильность (или отсутствие таковой) институтов конкуренции и участия.

Третья переменная – наличие в современной истории страны – после 1945 г. или начала непрерывной традиции конкурентных выборов (если позже) – двух и более прецедентов мирных переходов власти к оппозиции. Этот критерий впервые сформулировал С. Хантингтон в книге «Третья волна демократизации в конце

двадцатого века». Согласно Хантингтону, если в стране произошло как минимум два мирных перехода власти, то ее [демократический] политический режим следует признать консолидированным [Huntington, 1993, p. 267]. Данное утверждение не следует считать абсолютно точным. С одной стороны, за весь период с 1945 г. во многих странах, которые по всем признакам отличает высокий уровень конкуренции и участия, на протяжении нескольких (трех и более) электоральных циклов подряд у власти находится одна и та же политическая сила или лидер (см. также следующую переменную). Так, в ЮАР Африканский национальный конгресс с 1994 г. имеет большинство в парламенте и контролирует исполнительную власть, а в Японии Либерально-демократическая партия с середины 1950-х годов лишь дважды теряла власть на непродолжительные периоды. С другой стороны, на Украине за три десятилетия три действующих президента терпели поражение при попытке переизбрания и лишь один успешно переизбрался, но нет никаких оснований считать ее консолидированной демократией (добавим к тому же, что один президент Украины утратил власть неконституционным путем). Но с этими оговорками измерение – по вполне рациональному критерию (двух смен власти) – сменяемости власти, безусловно, является важной качественной характеристикой политического режима.

Наконец, четвертая переменная – нахождение у власти более двух сроков подряд – также не является абсолютотом. Дело в том, что сохранение власти на протяжении нескольких электоральных циклов имеет разную природу при прямых выборах президента – в этом случае риск персонализации режима действительно существенен. При парламентском же режиме главу исполнительной власти избирают не граждане, а элита собственной партии, и этот риск существенно ниже. Напомним, что такой сильный лидер как Маргарет Тэтчер, трижды приводившая свою партию к победе на выборах, покинула пост премьер-министра в результате не поражения на выборах, а конфликта внутри собственной партии. Добавим к этому, что во многих случаях премьер-министр возглавляет сложносоставную коалицию своей партии с другими. Так, в ФРГ все четыре кабинета, которые возглавляла Ангела Меркель, были коалиционными, причем три из них – коалицией с основным соперником ее партии – социал-демократами. Но, как и в предыдущем случае, в сочетании с другими переменными, показатель дли-

тельного пребывания у власти может быть полезен для измерения конкуренции.

Ожидаемые результаты

Каких же результатов можно ожидать в случае выведения единого индекса, основанного на описанных выше переменных? Очевидно, что многие из них тесно связаны друг с другом, но каждая из них оценивает собственный, не совпадающий с другими аспекты институционализированной конкуренции или участия. Таким образом, они дают комплексную, «панорамную» оценку состояния этой сферы.

Некоторые результаты вполне предсказуемы. Очевидно, что по показателям конкуренции преимущество имеют политические системы с сильными парламентами, высокой конкуренцией на выборах (т.е. отсутствием заведомо доминирующих политических сил, относительно малым отрывом победителей от своих оппонентов), сменяемой властью, долгой непрерывной электоральной традицией.

Также очевидно, что страны, в которых отсутствуют конкурентные выборы и соответственно автономные от исполнительной власти парламенты, показатель сводного индекса будет невысоким.

Наиболее сложно предсказать, как расположатся страны, не принадлежащие ни к «фаворитам», ни к «аутсайдерам», – а это, очевидно, от половины до двух третей всей выборки. Комплексный характер оценок будет способствовать большей сбалансированности результатов, и не проделав всю работу по выведению индекса, невозможно определить, каковы будут показатели институционализированной конкуренции и участия в каждой из таких стран.

Какое новое знание мы получим, выведя такой индекс? Вернемся к тому, с чего мы начинали эту статью: перемены, происходящие в обществах в процессах модернизации и политического развития, качественным образом меняют как уровень знаний людей, так и их запросы в политической сфере, выстраивают новые каналы социальной коммуникации, причем эти процессы охватывают разные группы стран на разных континентах. Институционализация политического участия и порождаемой им конку-

ренции в политике сами по себе не являются панацеей и не предлагают готовых решений проблем и конфликтов, возникающих при этих процессах. Однако такая институционализация может способствовать выстраиванию более конструктивных отношений между различными сегментами общества, снижать риски дестабилизации и в конечном итоге – способствовать устойчивому поступательному развитию обществ.

B.I. Makarenko*

The State and the People: growing diversity of relationship models¹

Abstract. The article substantiates the need to develop a universal index of institutionalized competition and participation to be applied for assessing political regimes in different states. This need is dictated by changes in societies and channels of social communication produced by modernization and political development. In political science, it is customary to consider such processes in the context of democratization, but, in this case, a value-neutral assessment is offered. It is based only on “hard” statistical data (primarily electoral) and analysis of the constitutional design of political systems. Since a national parliament and the universal active suffrage can be found in the vast majority of countries around the world, such an assessment might be close to universal.

It is proposed to include one variable in the index to assess political participation – data on turnout in national elections as a share of a country’s total adult population. Political competition is analyzed basing on three primary and four additional variables. The primary variables are the levels of competition in the formation of the executive branch and the parliament, respectively, as well as the role of the legislative branch in the formation of the executive one. Additional variables include duration of the minimal electoral tradition, availability (or absence) of cases of two or more changes of power as a result of elections in country’s history, availability (or absence) of cases of deviation from constitutional norms during formation or removal from power (for example, coups d’état), availability (or absence) of cases of one person holding power for a period of three or more electoral cycles.

Such an index is comprehensive and universal; its development might make it possible to assess and compare institutional conditions of political participation and competition in the vast majority of countries in the world.

* **Makarenko Boris**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); Center for Political Technologies Foundation (Moscow, Russia), e-mail: bmakarenko@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

Keywords: modernization; political competition; political participation; parliamentarism; elections; political parties; Political Atlas of the Modern World 2.0.

For citation: Makarenko B.I. The State and the People: growing diversity of relationship models. *Political Science (RU)*. 2024, N 2, P. 218–236. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.10>

References

- Dahl R. Procedural Democracy. In: Laslett P., Fishkin J. (eds). *Philosophy, politics, and society*, Fifth series. New Haven: Yale University Press, 1979, P. 97–133.
- Deutsch K. Social mobilization and political development. *American political science review*. 1961, Vol. 55, N 3, P. 493–514. DOI: <https://doi.org/10.2307/1952679>
- Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964, 221 p.
- Fukuyama F. 30 Years of world politics: what has changed? *Journal of democracy*. 2020, Vol. 31, N 1, P. 11–21. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0001>
- Global trends: paradox of progress. National Intelligence Council, 2017, 226 p. Mode of access: <https://www.dni.gov/files/documents/nic/GT-Full-Report.pdf> (accessed 27.12.2023).
- Huntington S.P. *The third wave: democratization in the late twentieth century*. Oklahoma: University of Oklahoma press, 1993, 384 p.
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy*. New York: Cambridge university press, 2005, 333 p.
- Lakner C., Milanovic B. Global income distribution: from the fall of the Berlin Wall to the Great Recession. *The World Bank economic review*. Vol. 30, N 2, 2016, P. 203–232. DOI: <https://doi.org/10.1093/wber/lhw039>
- Levitsky S., Way L. Democracy's surprising resilience. *Journal of democracy*. 2023, Vol. 34, N 4, P. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2023.a907684>
- Lijphart A. *Patterns of democracy: government forms and performance in thirty-six countries*. New Haven: Yale university press, 1999, 368 p.
- Lipset S.M. Some social requisites of democracy: economic development and political legitimacy. *American political science review*. 1959, Vol. 53, N 1, P. 69–105. DOI: <https://doi.org/10.2307/1951731>
- Manin B. *The principles of representative government*. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg, 2008, 323 p. (In Russ.)
- Miao K., Brownlee J. Why democracies survive. *Journal of democracy*. 2022, Vol. 33, N 4, P. 133–149. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2022.0052>
- Przeworski A. *Democracy and the limits of self-government*. New York: Cambridge university press, 2010, 200 p.
- Przeworski A. *Why bother with elections?* Cambridge, UK; Medford, MA, USA: Polity press, 2018, 160 p.
- Shugart M.S., Carey J.M. *Presidents and assemblies: constitutional design and electoral dynamics*. Cambridge: Cambridge university press, 1992, 316 p.

- Sztompka P. Civilizational incompetence: the trap of post-communist societies. *Zeitschrift für Soziologie*. 1993, Vol. 22, N 2, P. 85–95. DOI: <https://doi.org/10.1515/zfsocz-1993-0201>
- Welzel C. Why the Future is Democratic. *Journal of democracy*. 2021, Vol. 32, N 2, P. 132–144. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2021.0024>

Литература на русском языке

- Манен Б. Принципы представительного правления. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. – 323 с.